

О. С. Мжельская

ИЗ НАЗВАНИЙ ТОВАРОВ НА ПСКОВСКОМ РЫНКЕ (XVI–XVII вв.)

Аннотация

Статья посвящена анализу лексики, относящейся к сфере торговли. Объектом исследования явился рынок Пскова в XVI–XVII вв. В качестве источника сведений использованы русско-иностранные разговорники (прежде всего русско-немецкие разговорники), бывшие в употреблении у купцов, приезжавших торговать в Московскую Русь. Эти пособия содержали списки слов с толкованием их значений и образцы диалогов бытового и делового содержания, которые представляли разнообразные данные о ходовых товарах, а также об их качестве и обстоятельствах, сопутствующих купле-продаже. В диалогах достаточно широко отразилась русская обиходная речь того времени.

Ключевые слова: историческая лексикология, русско-иностран-ные разговорники, русская обиходная речь XVII в.

SOME PRODUCT NAMES IN THE PSKOV MARKET (XVIth–XVIIth CENTURIES)

Summary

The article contains the analysis of vocabulary that applies to the sphere of trade. The object of study is the Pskov market place in the XVIth and XVIIth centuries. As a source of data are taken Russian-foreign phrasebooks (first of all, Russian-German phrasebooks) used by merchants who traded in Muscovy. These handbooks include lists of words with the interpretation of their meanings along with the samples of everyday and business dialogues representing a variety of data about marketable products, their quality and sale circumstances. Russian everyday speech at that time is widely reflected in these dialogs.

Key words: historical lexicology, Russian-foreign phrasebooks, Russian everyday speech XVIIth century.

Библиотечные фонды и архивы Европы располагают группой памятников письменности XVI–XVII вв., до недавнего времени не востребованных исследователями русского языка и культуры. Это различные «пособия» и словари для изучения разговорного русского языка, которыми пользовались европейские купцы, путешественники, моряки, когда отправлялись по делам в Московскую Русь. Их составлением занимались иностранцы разного рода занятий — ученые, члены посольств к московскому царю, купцы, лекари, лечившие царское семейство, и некоторые другие лица — с помощью переводчиков и информантов по месту пребывания иностранцев. Эти «пособия» — а на самом деле записи отдельных слов, тематические словарики, образцы диалогов — во многом отражали разговорную речь средневекового русского города. Наиболее широко в них представлены Северо-Запад Руси, регионы Новгорода и Пскова, но есть и данные с Русского Севера — из Холмогор и Архангельска.

Эти источники долго не были объектом лингвистического, сравнительно-исторического и источниковедческого анализа филологов. Лишь в 20-х и 30-х гг. XX в., когда под влиянием трудов А. А. Шахматова и И. А. Бодуэна де Куртене усилился интерес к изучению явлений русской разговорной речи (Л. В. Щерба, В. М. Жирмунский, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин и многие другие ученые), записи иностранцев стали ценным источником сведений для истории прошлых языковых состояний. Трудом Б. А. Ларина¹ было доказано, что эти памятники могут считаться вполне достоверным свидетельством о языке и культуре России в XVI–XVII вв. Публикации русского ученого способствовали оживлению интереса к подобным текстам в ученых центрах Западной Европы. Усилиями Р. Якобсона, Б. Унбегауна, Д. Стоуна, Э. Гюнтер, С. Люнден, А. Фаловского и других были востребованы в библиотеках, расшифрованы, прокомментированы и опубликованы не менее 14 источников, в которых содержится около 9000 слов.

В статье используются материалы из ряда указанных источников, при этом отдается предпочтение труду Тённиса Фенне², наиболее обстоятельно и содержательно иллюстрирующему языковые явления, характерные для Пскова конца XVI–начала XVII в. — крупно-

---

¹ Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002 и другие работы.

² Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. V. II. Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.

го политического, военного и торгового центра на западной границе Московской Руси³. Данные других источников, авторами которых были иностранцы, привлекаются по мере необходимости для пополнения лексических рядов, с целью уточнения звуковой и семантической сторон того или иного слова, при выяснении различных вопросов сравнительно-исторического характера; для удобства демонстрации материалов вводятся сокращенные обозначения⁴.

К описанию лексики разговорной речи древнего Пскова я не раз обращалась в своих публикациях⁵. Настоящая статья посвящена названиям наиболее важных и ходовых товаров на псковском рынке конца XVI–XVII вв.

---

³ Укажем лишь некоторые работы историков из многих трудов на эту тему: *Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве // *Русская история*: в 5 т. Т. 5. М., 2001. С. 208–241; *Хорошкевич А. Л.* 1) Из истории русско-немецких торговых и культурных связей // *Международные связи России в XVII–XVIII вв.* (Экономика, политика и культура): Сб. ст. М., 1966. С. 35–58; 2) Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой в Средние века и начале нового времени // *Псков в российской и европейской истории*: в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 33–38; *Кирпичников А. Н.* Псков в преддверии нового времени и сообщения иностранцев об этом городе // *Псков в российской и европейской истории*. Т. 1. С. 39–58.

⁴ Середина–конец XVI в.: «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Cz. II / Oprac. A. Bolek, H. Chodurska, A. Falowski, I. Kunińska. Kraków, 1997. — III; «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert // Hrsg. von A. Falowski / Köln; Weimar; Wien, 1994. — А.; Парижский словарь Московитов 1586 г. / пер., исслед. и коммент. Б. А. Ларина // Ларин Б. А. Три иностранных источника... С. 21–174. — М.; A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue / Attributed to Mark Ridley. Edited from the late sixteenth-century manuscripts and with an introduction by Gerald Stone. Köln; Weimar; Wien, 1996. — Р.

Начало–середина XVII в.: *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian...* — Ф.; Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) / пер., исслед. и коммент. Б. А. Ларина // Ларин Б. А. Три иностранных источника... С. 175–508. — Д.; *Günther E.* Das deutsch-russische Sprachbuch des Heinrich Newenburgk von 1629. Frankfurt am Main, 1999. — Н.; *Sørensen H. Chr.* Ein russisches handschriftliches Gesprächsbuch aus dem 17. Jahrhundert. København, 1962. — К.

Конец XVII в.: *Günther E.* Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696. Frankfurt am Main, 2002. — X.; *The Trondheim Russian-german MS vocabulary* / ed. by S. S. Lunden. Oslo; Bergen; Trömsø, 1972. — Т.; *Лудольф Г. В.* Русская грамматика 1696 г. Оксфорд, 1696 / переизд., перев., вступ. ст. и примеч. Б. А. Ларина // Ларин Б. А. Три иностранных источника... С. 509–658. — Л.

⁵ *Мжельская О. С.* 1) Лексика псковского рынка начала XVII в. // *Северно-русские говоры*. Вып. 4. СПб., 1984. С. 84–96; 2) Лексика и фразеология торгового койне Северо-Запада Руси в XV–XVII веках // *Северно-русские говоры*. Вып. 7. СПб., 1999. С. 53–62; 3) Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2003. С. 170–198.

Ассортимент товаров на псковском рынке характеризуют сами источники в репликах диалогов, которые должны были быть своеобразной рекламой продаваемого товара: Посмотри в мене есть *кина сукна, десять бочек вина, бархат да ртуть, сельди, яблока*, что захочиш (А., л. 89 об.); В моего товарища есть доброй товар: *сукно да сельди, да жемчуги, да перец, да шафран* (А., л. 71); В мене есть против твоему товару *воск да сало да десять сорок* [‘мешков’] *горноста-ле* (А., л. 71 об.). А так могла выглядеть «заявка» покупателя: Мене надобет *куница да конопле, да чесаной лён* (А., л. 75). Можно было и пошутить: У меня есть продажной [товар]: *чѣтыре бумажники* [‘матрасы’], да три *хомутины*, да двѣ *рогожины*, да *кожа угориная* [‘угря’], тим товаром я великой купчина (Ф., с. 393).

Для анализа были отобраны названия следующих товаров: *меха, сукно, лён, воск, сало, соль, вино, мѣд*, а также лексика, относящаяся к оценке качества товаров.

Меха. Шкурки различных диких животных были распространенным товаром на псковском рынке XVI–XVII вв. Разговорник Т. Фенне приводит большой список животных, мех которых продавался русскими купцами: *рысь, соболи, куницы, бобры, лисицы, морманки* ‘темные (черные) лисицы’⁶, *песец, выдры, норки, хорьки, горноста-ли, ласицы* ‘ласки’, *бѣлки, заячины, свейски заячины* (Ф., с. 108), *медвѣдно* ‘шкура медведя’ (Ф., с. 112).

Отметим, что для разграничения названия самого животного и названия его меха во втором случае чаще использовалась форма множественного числа, в единственном числе названы шкуры *рыси* и *песца*, а в словах *заячины* и *медведно* использована суффиксация (-ин и -н). В разделе словарика «Дикие звери» находим обозначения в единственном числе: *бобр, соболь, куница, выдра, лисица, горно-сталь* (Ф., с. 73–74).

Далее в разговорнике Т. Фенне сообщается ряд сведений о мехе двух животных — лисицы и белки, рассматриваются качество меха и его расцветка.

Мех лисицы мог быть с *нацвѣтом* ‘седой, серебристый’, *алобура, челровата* ‘с шерстью клочками, добытая не в сезон охоты’ (Ф., с. 108). О лисицах не раз идет речь в диалогах, упоминаются случаи порчи, нехватки шкурок: Твои *лисицы* хори спортили: затѣм я их / них от тебе

⁶ В анонимном разговорнике слово выступает в огласовке *мурмонка* ‘schwart foß’ (А., л. 31 об.). В СлРЯХI–XVII слово *мурманка* представлено только в значении ‘шапка с плоской, расширяющейся к голове тульею, с меховой опушкой’, вероятно, производном от названия меха (вып. 9, с. 310).

не куплю (Ф., с. 322); Я тебе продал десять сороков *лисицы*, да один сорок ‘мешок’ неполно, сгибло в том сороку пять *лисицы*... Погоди мнѣ до завтра, я тебѣ добуду ту пять *лисицы* да доложу сорок (Ф., с. 409).

Подробно описывается в разговорнике Т. Фенне торговля беличьими шкурками. Названы сорта шкурок: *чисты* или *красны* ‘высокого качества, наиболее ценные’ *бѣлки* (1 сорт) (СлРЯХІ–ХVII, вып. 8, с. 20–21), *полчисты* или *полкрасны бѣлки* (2 сорт), *средни бѣлки* (3 сорт), *молодши бѣлки* (4 сорт) (Ф., с. 109, 462). Хорошее или плохое качество меха могло определяться и другими словами: *лична бѣлки*, где *личный* означает ‘красивый на вид’, ‘хорошего качества’ (Ф., с. 109): Мнѣ надобь бѣлки *личнѣти* тих (Ф., с. 463); *подпаль бѣлки* ‘шкурка с плешинами’ (Ф., с. 109), с близким значением указаны сочетания *голуснива бѣлки*, *облиняла бѣлки* (Ф., с. 109), ср. в репликах диалогов: В твоих бѣлки мново бѣлок *подпаленых* (Ф., с. 464); Твои бѣлки *облиняли* (Ф., с. 464). Речь шла о зверьках, добытых не в сезон охоты. Качество меха могло обозначаться и оценочными прилагательными широкого значения: Я своих бѣлок на выбор не продам. Я их по один верх продам, *добры плохим* пособят (Ф., с. 463).

Шкурки продавались в мешках-сороках: Я свои бѣлки перевязать хочу в *сороку* (Ф., с. 462); Доспѣем мы одному *сороку* цѣну, да колько будет *сороков*, я по ту же цѣну возьму (Ф., с. 463; см. выше: «десять сороков *лисицы*»).

Сведения о торговле мехами находим в разговорнике фон Хеймера, который был составлен в конце ХVII в. в Архангельске—Холмогорах. Здесь в диалогах упоминаются *соболи*, *медведно*, *куницы*, *лисицы*: Есть ли у тебя пара *соболей* на женьску маньку? (Х., 6) — здесь *манька* диалектное слово, обозначающее ‘женская муфта’ (СРНГ: Ярослав., Влад., Волог., Пск., Твер., вып. 17, с. 366); Что дать за 3 *куницы*? (Х., л. 7 об.); Чего ты за *мѣдведно* хочешь? (Х., л. 7 об.). В последнем примере речь идет о шкуре медведя; в другом примере из того же разговорника это слово может быть понято как прилагательное ‘сшитый из шкуры медведя’: Принести ли тебѣ бѣлья шуба? *Мѣдведна* мнѣ надоть! Они сильно дороги (Х., л. 15) — окончание *-а* у слова *мѣдвѣдно* подтверждает наше предположение (ср. также: бѣлья шуба). В разговорнике снова встречаем упоминание о мехе черной лисицы: Нѣт ли у тебя выхожего *черных лисиц* лапчатого *испода*? (Х., л. 6). Издатель и комментатор этого источника Э. Гюнтер переводит слово *выхожий* как ‘очень хороший, лучшего сорта’⁷; ср.:

⁷ Günter E. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch... S. 57.

выходной ‘хороший, красивый’ (СРНГ: Волог., вып. 6, с. 54). *Лапчатый испод* она толкует как ‘подкладка одежды, шапок, сшитая из короткошерстного меха на лапках лисицы’⁸, эта подкладка тогда была весьма дорогим изделием.

В этом источнике есть также указание на собирательное название для мехов: Кипу *мякоти* привести (X., л. 11 об.; ср.: СРНГ: *мякоть* ‘пушной товар’. Арх., вып. 19, с. 80).

Сукно. Среди тканей, представленных на псковском рынке, разговорник Т. Фенне более всего внимания уделяет сукну (67 словоупотреблений). Описываются его качество, обработка, возможные изъяны, указывается место изготовления материала. Сведения о сукне сообщают и другие разговорники, но в более сжатом изложении.

На с. 127–130 разговорник сообщает о сортах сукна и их названиях. Многие из них являются заимствованиями: *скорлат* ‘ярко-красное дорогое сукно’ (ср. итал. *skarlatto*, Фасмер, т. 3, с. 634); *аспид* ‘грубая домотканная желтовато-коричневая или красно-коричневая ткань, по цвету напоминающая яшму’ (ср. греч. *ἄσπις*); *брюкиш*, *полубрюкиш* ‘шерстяная ткань из города Брюгге, Бельгия’; *плисина* ‘грубая шерстяная ткань с ворсом’, название образовано от слова *плис* (заимствовано через голландский или немецкий языки из французского *peluche* ‘плюш’, Фасмер, т. 3, с. 282); *яренки* (Ф.), *еренок* (А., л. 50) ‘сукно из шерсти *ярки* (молодой овцы) первой весенней стрижки’ (ср.: *яртина*, *олон.*, *арх.*, *вят.* ‘первая шерсть с ярки’, Даль, т. 4, с. 680); *сермяжное сукно* (Ф.; Т., л. 63 об.) ‘домотканное грубое некрашеное сукно’, в том же значении приведено и сочетание *серое сукно*. Этимология слова *сермяга* остается неясной, *бѣльчена* ‘белая шерстяная ткань’.

Далее разговорник Т. Фенне приводит двучленные названия тканей, где первое слово (прилагательное) указывает на место изготовления: *лунское сукно* ‘английское’; *ипское сукно* ‘из города Ипр (северо-запад Бельгии)’; *амборское сукно* ‘из города Гамбург (средневековое нижненемецкое название города — *Hamborg*)’; *норское сукно* ‘из Норвегии’; *дерменское сукно* ‘из города Дортмунд (Германия)’; *любское сукно* ‘из города Любека (Германия)’ (А., л. 49 об.). Заметим, что для удобства читателя в названиях тканей добавлено слово *сукно*, тогда как в рукописи разговорника даны только прилагательные *лунское*, *ипское* и т. д., что указывает на употребление этих слов в разговорной речи как субстантивов.

---

⁸ Там же.

Сукна, продаваемые на рынке, были самых разных расцветок: *чёрное, бѣлое, красное, черлёное* ‘ярко-красное’, *багровое* ‘светло-коричневое, цвета ржавчины’, *бурое, дымчатое* ‘цвета золы’, *сѣрое, зеленое, темнозеленое, желтое, рудожелтое* ‘оранжевое’, *голубое, бѣлоголубое, лазуревое* ‘интенсивно синее’, *сине, глинной и кирпичной цвет* ‘цвет мяса’; *дикой цвѣт* (Ф.; А., л. 50) истолкован как ‘кричащий, слишком яркий’, но здесь ошибка составителя разговорника, которую повторили и издатели (*glaring color*), в русском языке это название ‘серого’ цвета (см.: СлРЯХI–XVII, вып 4, с. 245; СлРЯXVIII, вып. 6, с. 130).

Качественным сукном на рынке признавалось плотно сотканное сукно, непроницаемое для сырости. Мой (так!) сукно *тяжское* (Ф., с. 453). Прилагательное *тяжкий* в соответствующем значении не отмечено словарями. Его значение устанавливаем из перевода фразы на немецкий язык «*ist dicke*». Очевидно, что сукно ‘плотно соткано, свалено, а потому тяжелое’, на него пошло много шерсти. В разговорнике Т. Фенне представлены еще три прилагательных, которые также характеризуют качество сукна со стороны его плотности, но употреблены они в отрицательных предложениях: Твой (так!) сукно не *точно, рѣдко* твой (так!) сукно (Ф., с. 456). Во фразе используется прилагательное *точный*, которое толкуется через сопоставление с прилагательным *редкий*, но у самого слова *точный* никаких значений, подходящих к этому контексту, в словарях не нашлось. Однако значение ‘плотный’ подтверждается немецким переводом: *ne точно* «*ist nicht dicke*».

Во втором контексте, где дается оценка качества сукна, используется прилагательное *удельный*: Сам видишь, что твои сукна не *удѣльни*, и ты цѣну у их не убавишь да худей сукна к добрым прировнеиш (Ф., с. 458). В. И. Даль предлагает следующее значение глагола *удельывать*: ‘улаживать, устраивать, уряжать, особенно снаружи’ (т. 4, с. 475). В его примерах речь идет о строениях, тюках товаров. В нашем случае придание вещи привлекательного вида касается ткани; такое понимание контекста подтверждается переводом на немецкий язык «не удѣльни» — «*nicht woll beredt sin*» — ‘плохо подготовлены, представлены’.

В третьем примере — Твой (так!) сукно не *утло* (Ф., с. 456) — используется прилагательное *утлый* ‘ветхий, худой, дырявый’ (Даль, т. 4, с. 520; то же значение у И. И. Срезневского ‘не крепкий, не прочный; рваный, ветхий’, (т. 3, слб. 1323). Это значение хорошо подходит к данному контексту, где утверждается, что сукно ‘хорошего качества,

не ветхое', однако рядом находим немецкий эквивалент «*ist nicht dichte*» — ткань плохого качества. Недоразумение снимается сравнением текста в разговорнике Т. Фенне с соответствующим местом в другом разговорнике — Т. Шrove, представляющем более ранний (приблизительно 1546 г.) вариант того же разговорника. В нем этот контекст записан так: Твоё сукно утло (Ш., л. 15 об.). Таким образом, становится ясно, что Т. Фенне или переписчик его разговорника написал лишнее не («не утло»), как и в других, рядом стоящих примерах, а толкование контекста на немецком языке было правильным.

Подробно описаны другие возможные недостатки ткани, случаи ее порчи: Твой (так!) сукно *линяет* (Ф., с. 453); Твой (так!) сукно без *кромок* (Ф., с. 453); Твои сукно *хорь изъел* (А., л. 77 об.); Твои сукна *цвѣт / лице скинули* (Ф., с. 454) — 'изменилась (или исчезла) окраска обращенной наружу стороны ткани'; Твои сукна *смялись / моршковаты*, мнѣ их не любо купить (Ф., с. 454), ср.: *морхи* 'складки, неровности на одежде' (СРНГ, Сиб., Арх., вып 18, с. 280; *морховатый* 'неровный, шероховатый', там же, Пск., Твер.); Твое сукно *пролежалося* 'состарилось, потеряло свое качество в результате долгого хранения' (А., л. 72 об.) — «*ist voroldet*».

На похвалы своему товару купцы не скупались: Есть у меня всякки сукна, поди со мной да посмотри, каково тебѣ сукно надобѣ против твоёво товару (Ф., с. 459); Посмотри от моёво сукно (так!) лица да наничья: мой (так!) сукно добро, свѣжѣ (Ф., с. 455); Есть у меня чѣтыре постава сукна с искрой да три постава свѣтлозелѣна, да десять поставов тѣмнозелѣна, да три постава лично, да тѣ игрушки, вельми добры (Ф., с. 451), здесь приведем перевод к слову *лично*: «*schon van faruen*» — 'красивой окраски'.

Разговорник Т. Фенне сообщает и об обработке сукна: Мои сукна за морем *мочены* и *стрижены* (Ф., с. 451); Ворса *пристрижена* (Ф., с. 130); Мои (так!) сукно *пострижено* (А., л. 50). Завершение обработки ткани могло происходить и по приезде на рынок: Мой (так!) сукно еще *не стрижено* (Ф., с. 451); *Мочи* тѣ два постава сукна (Ф., с. 452); Мои сукна еще *не крашѣны* (Ф., с. 456); Я свои сукна дам красильнику *красить* (Ф., с. 456).

Для обозначения размера куска сукна употреблялись слова *постав* 'кусок ткани в виде трубки, снятый с ткацкого станка' (Ф., с. 451; СРНГ, вып. 30, с. 207); *кипа* 'кусок, рулон, крупная упаковочная мера' (Ф., с. 129); *аршин* — Почему аршинѣ от того багрового сукна? (Ж., л. 6 об.); *локоть* 'мера длины, равная приблизительно 0,5 м' — Колько ты *локоть* тово сукна отмѣрил? (Ф., с. 452); Отдери

мене от того сукна дватцетъ *локоть* (А., л. 88 об.). Но среди этих традиционных терминов встретились и очень редкие по сочетаемости и значению слова: Продай мнѣ третій *жеребий* тово товару (Ф., с. 459), где *жеребий* — ‘часть, доля’ (ср.: СлРЯХІ–ХVII, вып. 5, с. 91); Есть ли у тебя *участок* сукна продажной? Надобь мнѣ дасть (так!) однорядка сшить (Ф., с. 460), здесь *участок* — ‘кусок’ ткани, ср. немецкий перевод: «*eun stuueken*». В. И. Даль отмечает: *участок* ‘часть, доля, отделенный кус’. Зажарь этот участок говядины (т. 4, с. 527).

В диалогах описываются отдельные действия, совершаемые в процессе продажи сукна, которые передают повседневные заботы торговцев: Мои сукна *перепечатаны* (Ф., с. 454), *перепечатаны* ‘помечены печатью’ (таможни ?); *Распори* сукно, я ёво *перемерю* (Ф., с. 452); Я тово сукна *отмѣрил* тритцетъ локот с локтѣм да четвертина локти (Ф., с. 452); *Мѣри* вдоль да посмотри колько станет долинь (Ф., с. 455); *Мѣри* поперѣк да посмотри, колько станет шириной (Ф., с. 456); Нѣт ли у тебя сукно (так!) *шире* тово? (Ф., с. 455); Нѣт ли у тебя сукно (?) *поуже* тово? (Ф., с. 455); Не *щупай* моёво сукна да не *счерни* их (так!) (Ф., с. 460); *Закрой* сукно да не *рудитса* [‘пачкается’] (А., л. 72 об.).

Некоторым товарам, произведенным в России, разговорники уделили меньше внимания.

Лен. Европейские купцы покупали на псковском рынке волокно льна для производства на своей родине полотна высокого качества, но они мало вникали в его обработку, которая проходила в крестьянских хозяйствах. Очевидно поэтому словарик разговорника Т. Фенне содержит только 12 слов (Ф., с. 117, 17 словоупотреблений), касающихся покупки-продажи льна (в других разговорниках — единичные примеры). Пояснения к этим словам на нижненемецком диалекте и комментарии издателей на английском языке кратки и не позволяют уточнить возможные оттенки смысла в близких по значению словах.

Сырец-лѣн ‘сырье, необработанные стебли льна’; *чесаной лѣн* ‘обработанное волокно льна, освобожденное путем вымачивания, трепания и чесания от оболочки, коры стебля’ (А., л. 53). Два других слова *волокно* и *церковный лѣн* также обозначают ‘обработанное волокно’, продукт высокого качества (нем. *harle*), но прояснить название *церковный лѣн* нам не удалось. К этой группе названий отнесем и *выбыгмо* ‘лен, высушенный на открытом воздухе, на ветру’ (СРНГ, вып. 5, с. 250).

Затем у Т. Фенне приведены слова, которые называют волокно льна низшего сорта, используемые в хозяйстве: *куделя*, *отрепи*,

костки и *хлопья*, все слова определены немецким словом *hede* ‘пакля’. *Куделя* по данным «Псковского областного словаря» ‘волокно льна, приготовленное для прядения’ и ‘грубое волокно, пакля’ (ПОС, вып. 16, с. 326)⁹; *отрепи* ‘отходы после трепания льна, которые используют для изготовления мешков, половиков’ (СРНГ, вып. 24, с. 293–294); *костки* ‘измельченная кора стебля льна, отстающая после вымачивания, трепания и чесания льна’ (ПОС, вып. 15, с. 330), отсюда *костливый лен* ‘засоренный частицами коры стебля’.

Данные «Псковского областного словаря» хорошо комментируют употребление приведенных в разговорнике Т. Фенне слов: *Лён* стябали, *костки* выбивали. *Пыт.*; Как станит *валакно* от *коски* отпрыскивать, так из *мачила* и *вытаскивают*. *Он.* (ПОС, вып. 15, с. 330); После *мялки* льна *треплим* ево и *чешым* — вот эта будит *кудель*. *Пск.*; С *кудели* бубальки, *узелочки* счешэш — буде *харошэе валакно*, из *няво* нитачки как *волас* *прядёш* (ПОС, вып. 16, с. 326).

Меры веса и объема волокна: *связка*, *повѣсмо*, *пятки*, *берковец*. В основе значений этих мер лежит представление о *горсти* ‘пучок сжатого льна; количество, которое захватывается в одну горсть’ (СРНГ, вып. 7, с. 70–72). Само слово у Т. Фенне в этой группе терминов не упомянуто, но оно используется при толковании других слов: *повѣсмо* ‘мера волокна, которая может равняться одной или несколькими горстям’ (СРНГ, вып. 27, с. 231), у Т. Фенне — *riste* ‘столько, сколько в один раз закладывают в чесалку для льна’; *пяток*, *пятки* ‘связка волокна в 50 горстей’; *берковец* ‘мера веса, равная 10 пудам’.

Примеры употребления лексики, относящейся к торговле льном, в диалогах немногочисленны: С *лёном* ли ты *приѣхал* аль с *иным товаром*? (Ф., с. 437); *Колько* твой *лён* *потянул*? (Ф., с. 378); *Топчи лён* в *бочку* (А., л. 80); *Бочка с лёном* *россыпалось* (так!), да *лён* *весь* *измялся* / *измочился* / *изгрязнился* (Ф., с. 391); Я *иду* свой *лён* *притиснуть* / *притискать* да *притиснув* прочь *пошлю* (Ф., с. 282); *Которой лён* *костлив* или *пухлои* *хочу* *выкинуть* (А., л. 80); *Твой лён* *костлив*, *нечист*; *отрепий* в ём *много* (Ф., с. 282); *Мене* *надобет* *куница* да *конопле* да *чесанои лён* (А., л. 75); *Есть* у *меня* *50 берковцов* *лну* (А., л. 75).

Воск. Все разговорники отмечают это слово в своих списках товаров, но более подробно о нем дают сведения только разговорник Т. Фенне (10 словоупотреблений) и анонимный разговорник (7 словоупотреблений). Традиционный способ оформления этого вещества для

⁹ В Словаре Ридли (1599 г.) допущена ошибка: *кудела*, а spindle ‘веретено’: A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue. P. 193.

продажи называет разговорник Т. Фенне: *круг воску, кружок воску* (Ф., с. 116). Некоторые действия и обстоятельства, касающиеся продажи этого товара, упоминаются в диалогах: *Есть у меня пять кругов воску* продажново (Ф., с. 434); *Почему пудъ воску?* (Х., с. 8); *Колико берковец потенул твои воск?* (А., л. 74); *Положи на земли да начеркни на воск колико берковец тенул твои воск?* (А., л. 74 об.; Ф., с. 310). Тронхеймский разговорник отмечает *печатной воск* ‘воск для изготовления печатей’ (Т., с. 82). Есть и замечания о плохом качестве: *Твой воск не чист, мервы в нем много* (Ф., с. 313), *мерва* ‘нечищенный, нетопленный воск’ (ПОС, вып. 18, с. 154), у Т. Фенне — «was dreck» (Ф., с. 116).

Сало. Сведения об этом слове кратки, хотя его отмечают многие разговорники: *сырое сало, топленое сало, бочка сала, кружок сала* (Ф., с. 117, 7 словоупотреблений), *топленое сало*, также в тронхеймском разговорнике отмечено *ворванье сало* ‘сало, полученное из тушки тюленя’ (Т., с. 64, также: Ф., с. 116). Непременно упоминается о плохом качестве продукта: *Твое сало не чисто, изварин в нём много* (Ф., с. 313), *изварина* ‘кусочки сала, оставшиеся после его вытапливания’ (ПОС, вып. 13, с. 200).

Соль. Одним из распространенных товаров на псковском рынке была соль. Ее ввозили морем из Европы. Разговорники сообщают только о привозной соли, хотя на рынке могла продаваться и своя отечественной разработки соль, о добыче которой сообщают многочисленные московские деловые документы. Разговорник Т. Фенне называет несколько сортов привозной соли, отличающихся определенными особенностями, но установить эти различающиеся черты качества в полной мере не удалось за недостатком материала: *сѣрая соль, бѣлая соль, красна соль* ‘красноватого оттенка’, *крупна соль* (Ф., с. 115, всего 29 словоупотреблений).

Для соли была установлена, как и в Европе, единица измерения веса — *ласт*. Эта мера использовалась и в Англии, и в германских государствах. Она могла соответствовать весу от одной до трех тонн. Для соли она равнялась приблизительно 4000 английских фунтов (1600 кг). Можно было измерять вес соли и в *берковцах*.

Самой распространенной упаковкой и мерой объема были *мешки*, но встречается и упоминание *бочек*.

В диалогах торговля солью на псковском рынке получила достаточно широкое отражение: *Кораблѣв много пришел с солью да продаю ласт по тридцати гривен* (Ф., с. 362); *Народ еще не скапился, да соли цѣны еще не устави* (Ф., с. 362); *Соль опале да опять дораже буде* (Ф., с. 320); *берковец соли* (А., л. 53); *Мѣх с солью розвязалось*

(так!) (Ф., с. 391; также: А., л. 53); Твои *мѣхи соли* набиты да из погребка выкладены, и ты пошли... по вѣсчево (Ф., с. 428); *Бочка с солью* розсыпалось (так!) да *соль* вся в грязи лежи (Ф., с. 391).

Как в отношении других товаров, так и в отношении соли в разговорнике сообщается о местах добычи и соответственно об особенностях качества. По месту добычи различали: *дравенскую соль* (Ф., с. 115) — соль из Люнебурга (Германия), вблизи этого города в средние века были соляные копи, откуда соль поставлялась в страны Северной Европы; *шпанскую соль* — соль из Испании; *сѣрую* и *красную соль* доставляли из Германии. Попутно заметим, что разговорники сохранили нам выражение *хлеб да соль*, причем в нескольких значениях: *хлѣбъ да соль* вам! (К., с. 30) ‘пожелание приятного аппетита’; *хлеб и соль* в переносном значении ‘доброе дело, забота’: Не позабуди моего доброго хлеба да соли (немецкое *woldadt*) (А., л. 42а); *хлѣб да соль* ‘пир в память о родителях’ (Д., с. 28), в последнем случае выражение получает обрядовое значение.

Вина и напитки. Слово *вино* употреблялось в XVI и XVII вв. в деловой письменности и обиходной речи Московской Руси в двух значениях: 1) ‘виноградное вино’; 2) ‘крепкий алкогольный напиток, получаемый с помощью перегонки из зерна; водка’. В 1-м значении слово *вино* достаточно широко отражено в разговорниках, оно обозначает ‘напиток из плодов виноградной лозы, имевший темно-красный или белый (светлый) цвет’. Разговорники, связанные с Северо-Западом Руси, предлагают в разделе «Все виды напитков» списки виноградных вин с краткими пояснениями: в разговорнике Т. Фенне — *вино, малмазия, бастард, романия, ренское вино, кларет, алаканта, вино бѣлое, красное вино* (Ф., с. 84); в тронхеймском разговорнике список более лаконичен: *вино, новое вино, шпанское вино, бѣлое французское вино* (Т., с. 60); разговорник Невенбурга добавляет к этому перечню вино *кинарея* (Н., л. 5 об.).

Все названные выше вина изготавливались в странах Западной Европы, причем преобладали вина разных оттенков красного цвета, что и подчеркивалось в их названии: *красное вино* (Ф., Ш., Р.), *красно вино* (А.), *бѣлое фрянцузское вино* (Т.). Однако чаще в названии вина отражалось место его изготовления: *алаканта* (Ш., Ф.) ‘красное вино из Испании (Alicante)’, *мальвазия* (Ш., А., Р., Ф., Т.) ‘сладкое вино из города Мальвазия в Греции’, *ренское (вино)* (Ш., А., Р., Ф., Н., Х., Л., Т.) ‘вино из окрестностей Рейна (Мозель ?)’, *романя* (Ш., Ф., Д., Х., Т.) ‘белое сухое вино, вывозившееся из Испании и с Канарских островов’, также *шпанское вино* (Т.), *вино испанка* (М.), *кинарея* (Н.) ‘вино с Канарских островов’.

В названиях некоторых вин отразилось их качество: *бастард* (Ф.) ‘вино невысокого качества, подмешанное’, ср. ст.-фр. *bostart* ‘ненастоящий’, голл. *basterd*; *кларет* (Ш., А., Р., Ф.) ‘красное вино’, из ст.-фр. *claret* ‘чистый, прозрачный’. Наконец, название могло указывать на сферу преимущественного применения напитка: *церковно(е) (служебное) вино* (Д., Н., Х.) ‘вино, которое использовалось в церкви при причастии’.

Тексты разговорников показывают, что из всего набора названных выше вин наибольшей употребительностью в речи (и в жизни?) отличалось *ренское вино*. Об этом свидетельствует разговорник фон Хеймера, где сообщается о разновидностях или сортах этого вина, его вкуса: *бъло ренъско, вишеньишно ренъско, пряно ренъско, слатко ренъско, кисло ренъско, горко ренъско, хорошо ренъско, нехорошо ренъско* (Х., л. 5–5 об.), там же находим и сообщение об одном из мест производства этого вина — *флоренъско ренъско* ‘флорентийское’ (Х., л. 5 об.). Фон Хеймер упоминает и о приготовлении вина: *Жмы что ренъско жмут ‘пресс для винограда’* (Х., л. 5 об.). О вине речь идет и в диалогах: *Пеи всегда ренско* (Х., л. 8 об.); *Чемъ ты торгуешъ? Сукном да ренъскимъ* (Х., л. 12 об.); *Налеи мнѣ руманку ренского* (Х., л. 7 об.); *Привези мнѣ 2 бочки хорошего слаткого ренского* (Х., л. 12 об.); *Что ты хочешъ оттолъ [из Французской земли] привести? Бъло ренъско да церковной вино* (Х., л. 12 об.). Но о рейнском вине вспоминали не только на Севере России, но и на Северо-Западе и в Москве: [Служанке:] *Принеси пиво, медъ, ренское вино да и горѣлку* (Н., с. 12); *Ренского у насъ нетъ, чемъ тебя потчиватъ?* (Л., 50).

Обращает на себя внимание неустойчивость внешней стороны названий вин, наличие фонетико-графических вариантов, а также колебания в оформлении основы суффиксами и показателями грамматического рода имен существительных. Название *алаканта* имеет в текстах разговорников следующие варианты: *алаканта* (Ш., Ф.), *алкант* (А.), *алкан* (Х.), *алканея* (Т.). Название *бастард* варьируется так: *бостер* (Ш.), *бастерт* (А.). Вино *мальвазия* называли также *малмазия* (Р.), *мамназея* (Ш.), *мармазия* (Ф.); *реинское* (вино) (А.) и *ренское* (Р., Н., Х., Л., Т.). Отметим и субстантивацию прилагательного в названиях вин, характерную для разговорной речи: *ренско(е)*, *церковно(е)*. Эта вариативность объясняется постепенным освоением слова русским языком, преимущественно устным его характером, и возможными разными путями проникновения одного и того же заимствования в разговорный русский язык.

Уделяя немало места описанию виноградных вин, разговорники лишь кратко упоминают о *водке* ‘крепком алкогольном напитке’. Само

слово *водка* отмечается в наших источниках и других памятниках письменности Московского государства в этом значении лишь во 2-й половине XVII в.¹⁰ В текстах XVI–XVII вв. оно имело другие значения: ‘лекарственная настойка (на травах, ягодах, овощах)’ и ‘раствор, употребляемый для обработки металлических изделий’ (СОРЯ, вып. 2, с. 263). В значении ‘крепкий алкогольный напиток’ и в наших разговорниках, и в деловой письменности того времени употреблялось слово *вино* (СОРЯ, вып. 2, с. 207). Оно обычно использовалось в сочетании *вино горячее* ‘полученное путем нагрева и перегонки из зерна’ (Ш., Ф., Т., Х.) и в разговорниках имело немецкий аналог *Brantwein*, рядом с ним встречалось и слово *горелка* (А., Р., Ф., Д., Н., Т.), которое возникло в результате стяжения словосочетания. Оба варианта названия *водки* могли быть употреблены в одном источнике, например у Т. Фенне или в тронхеймском разговорнике. Примеров использования этих названий в разговорниках немного, обычно это указание на них в перечнях напитков: *Wino goretkoŕe, brandte wein* (Ш., с. 80); *vino goretzoe, gebranden wyn* (Ф., с. 84); *вино горячее, brantwein* (Т., л. 60 об.); *вино горячо, brantwein* (Х., л. 5 об.); *Вино горалко, aquavitae* (Р., с. 86); *wino gorelka, brant win* (А., л. 47); *goriulca, vinim bis coctum, горёлка* [транскрипция Б. А. Ларина] (Д., с. 5); *горёлка, brendewiyn* (Ф., с. 84); *горёлка, Brantwein* (Н., с. 12); *Принеси горёлку сюде* (К.). В тронхеймском разговорнике упоминается о котле для перегонки напитка: *er hatt mit dir ein brantweins keszell* (русский перевод только для слова *котел*) (Т., с. 60). Синоним *водка* (в написании *вотка*) известен только двум разговорникам, причем достоверно в значении ‘крепкий алкогольный напиток’ оно встретилось только у Лудольфа: *Изволишъ чарку вотки? Вотку не уживаю [‘плохо переносу’]* (Л., с. 50). В тронхеймском разговорнике приведено под словом *вотка* сочетание *анисовая вотка* (Т., с. 61), которое могло обозначать и ‘лекарственная настойка’, перевод на немецкий язык здесь не помогает — *annis waszer* (см.: СОРЯ, вып. 2, с. 263).

Чем же объяснить несомненное предпочтение, оказанное разговорниками виноградным винам в отличие от водки? Оно объясняется разграничением товаров иноземных и местных. Виноградные вина — это п р и в о з н ы е вина, они представляли собой товар, который предлагали иноземные купцы и который нуждался в рекламе,

---

¹⁰ См.: Дерягин В. Я. Русское водка и польское wódka // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979. С. 242–250; Судаков Г. В. Обычаи русского застолья в зеркале истории слов // Живое русское слово. Вологда, 2002. С. 115–117.

тогда как водка была м е с т н ы м продуктом, и насколько она интересовала купцов-иностранцев как товар, мы не имеем данных, но на своем внутреннем рынке водка активно продавалась.

Мед. «С древности мед ели и в монастырях, и в царских домах, и в домах крестьян, и в домах зажиточных людей. Мед — это и сладость, и еда, и лекарство от многих болезней... Но уже с X века мед известен и как хмельной напиток»¹¹. Итак, слово *мед* имело в памятниках письменности XVI–XVII вв. два значения: ‘сладкая, густая жидкость, вырабатываемая пчелами из нектара цветов’ и ‘хмельной напиток, приготовленный из такой жидкости’. Именно в этих значениях слово *мед* отражено в разговорниках как важный и полезный продукт, вывозимый в Западную Европу из России. Все разговорники отмечают слово *мед* как название самого продукта и его разновидностей, так и напитка, приготовляемого из него. Наиболее подробно описывает мед М. Ридли, служивший врачом царской семьи в конце XVII в., сумевший зафиксировать 19 словосочетаний со словом *мед*.

В первом значении слово *мед* в наших источниках представлено в следующих сочетаниях: *прѣсной мед* ‘мед в сотах’ (Ф., с. 116) и ‘натуральный мед, выкачанный из сот’ (Ф., с. 85; Ш., с. 96; А., л. 47); *патока-мед* ‘самый чистый, прозрачный, вытекающий из сот цветочный мед’, *blomen honnig* (Ф., с. 116); *медъ патошної*, *sweet med* (Р., с. 211), ср. у Невенбурга: *патока* (Н., л. 6 об.); *бѣлый мед* — Нѣт ли у тебя бѣлого меду? (Х., л. 8). Даль объясняет это словосочетание так ‘мед светло-желтого цвета с цветков липы’ (Даль, т. 2, с. 313); ‘мед недостаточно очищенный от частичек воска’ — *с воцинали мед* (Ф., с. 116).

Разговорники сообщают больше сведений о меде ‘хмельном напитке’. *Мед кислый* ‘напиток, полученный в результате брожения меда, разбавленного водой, с добавлением хмеля и пряностей’ (Ф., с. 85; Ш., с. 80); заметим, что в названных разговорниках запись сделана с прилагательным в среднем роде: *мѣт кислое* — очевидно, составитель или переписчики разговорников по ассоциации со словом *вино* употребили прилагательное в среднем роде; *мед оборной* (Р., с. 211) и более правильно услышанное Джемсом *обарной* (мед) (Д., с. 38) — когда готовили хмельной напиток, то подготовленную из меда и воды забродившую жидкость *обваривали* кипятком¹². Мед как хмельной напиток могли на Руси готовить, проваривая его с различными ягодами и подвергая брожению. М. Ридли приводит ряд названий

¹¹ Лутовинова И. С. Слово о пище русских. СПб., 1997. С. 215–217.

¹² Судаков Г. В. Обычаи русского застолья в зеркале истории слов. С. 115–116.

следующих напитков (Р., с. 211): *мѣдъ брусницнои; вишинои, cherrye mede; житнои, barley mede* ('с ячменем?'); *малино* (так!), *gasberrie mede; межеволн, mede of juniper berries* ('с ягодами можжевельника', прилагательное записано неточно); *смороднои, of black gusberries* 'смородиновый', *черумка, of black cherries* (предполагаем, что имелись в виду ягоды черемухи, ср. у Котошихина: «ягоды на пива и на медъ, малину, смородину, костяницу, земляницу, *черемху* (курсив мой. — О. М.) емлют зъ дворцовыхъ сел» (СлРЯХІ–ХVІІ, вып. 9, с. 54); *яблочнои, apple meod*, этот сорт медового напитка отмечен также и в разговорнике Т. Фенне: мед яблочное (так!), *appelldranch* (Ф., с. 84). Осталось неясным, из чего готовился *щавнои медъ, fine barley mede* (Р., с. 211). Выше это определение — *barly* — отнесено М. Ридли и к *житному меду*. Исторические словари не отмечают сочетания *житный мед*, так же как и *щавный мед*. И. И. Срезневский предлагает пример на употребление сочетания *щавный квас* (слово заимствовано у Н. М. Карамзина из его «Истории государства Российского») и полагает, что *щавный* можно сблизить со *щавель* и определить как 'кислый' (т. 3, стлб. 1606). Здесь нужны дополнительные разыскания новых данных в памятниках письменности и русских говорах.

Названия напитков из меда *медъ боярской, a whit meod и медъ кнежици, common mede* (Р., с. 211) затруднительно комментировать, опираясь на пояснения М. Ридли. В СлРЯХІ–ХVІІ эти наименования толкуются как 'сорта хмельных напитков высшего качества, приготовляемые из меда по особой рецептуре' (вып. 9, с. 54). Подробнее изготовление *боярского* меда описано в Домострое: «А боярской медъ сытити сняти воцина до патоки ['чистого меда'] да взяти в шестеро, да розсытити горячею водою а [в] воду положить на всякой пудъ по мѣре хмелю да наквасити дрожжыма»¹³.

Совсем загадочно название *мед зундское* (так!) (Ф., с. 85), Т. Фенне объясняет его с помощью кальки — *sundesche mede*, 'мед из Зунда'. Как же связаны *мед* и пролив в Балтийском море?

В диалогах, приведенных в разговорниках, слово *мед* употребляется довольно редко. В труде Т. Шrove есть мудрое замечание: Коли в человека мед да пиво есть тогды в ёго и други и браты (Ш., л. 39 об.; транслитерация моя. — О. М.); Я вчерась мѣдъ ѡл (Ф., с. 493); Надобь бочка с мѣдом скрѣпить, добро не розорвется (Ф., с. 391).

Оценка качества товара. Знакомство с разговорниками показывает, что их авторы стремились наряду с названиями конкретных

¹³ Домострой / изд. подгот. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 1994. С. 68.

товаров, продававшихся на рынке, использовать во многих случаях обобщающее слово *товар* и применительно к нему излагать всевозможные обстоятельства, возникавшие при торговых сделках¹⁴. Интересно заметить, что также обобщенно могли трактоваться и свойства, качества товаров. Чаще всего для оценки качества использовалась пара антонимов *добрый* — *худой*: Нельзя *доброй* товар хулить, да *худого* хвалить (Ф., с. 309); Твои платна — на перёду *добро* да назад *худо* (Ф., с. 217); *Худого* и з *добрым* не смешай вместе (А., л. 65 об.). Высшую степень положительного качества выражало словосочетание *добре добрый*: Мои товар *добры доброй* такового в мене не бывало (А., л. 71 об.); У меня был *добрь доброй* товар (Ф., с. 354). Однако возникали случаи, когда оценка качества конкретизировалась, и прилагательные *добрый* и *худой* получали разнообразные замены. Их мы и рассмотрим.

Прилагательное *худой* в некоторых контекстах заменяется синонимами *плохой*, *молодший*: Мнѣ свой товар розбирать, *добры* опричь да *плохи* опричь (Ф., с. 320); У *доброто* товару больше примка [‘прибыли’], как у *худово* / у *молодшево* (Ф., с. 372); Я так не куплю, я на розницу куплю, *добры* опричь да *молодши* опричь (Ф., с. 312), в последнем примере *молодший* имеет переносное значение ‘более низкого качества’; ‘самого низшего сорта’ (ПОС, вып. 18, с. 329). Со значением неудовлетворительного качества отмечено еще несколько слов. Слово *зарок* употребляется в лексике торговли со значением ‘изъян, недостаток’: Твой товар с *зароком*, немецкий перевод — *hefft gebrek* (Ф., с. 405); Мново *зароку* в твоёво товару (Ф., с. 406). СлРЯХІ–ХVII приводит это слово, формулируя значение как ‘нарекание, попрек’ (вып. 5, с. 288); ср. там же: *зарочный* ‘имеющий физический порок или порывистый (о лошади)’ (с. 289). *Лонской* ‘прошлогодний’: *Лонской* товар — *не свѣже* (Ф., с. 420); о грязном, испачканном чем-либо товаре говорили *омазной*, *благой*, *руден*, *нечист*: Твой товар *омазной* / *благой* (Ф., с. 336); Не доспеи мои товар *руден* [‘не сделай грязным’] никто не купит (А., л. 80 об.); Я вижу, что товар *нечист*, да за *чисто* ты мнѣ ёго продаешь (Ф., с. 291). Прилагательное *нечист* с отрицательной приставкой *не-* не единственный пример такого типа прилагательных, которые обнаруживают скрытую антонимичность, указывая на соответствующее слово без приставки *не-*, обозначающее положительное качество, добротность товара: То *некорысной* товар. Ище ты лутче хочешь? (Х., л. 15), *некорыстный* ‘такой, от которого мало пользы;

¹⁴ Мжельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка... С. 176–177.

неприбыльный'. Ср.: *корыстный* 'приносящий выгоду' (СлРЯХI–XVII, вып. 7, с. 352) и *некорыстный* (СлРЯХI–XVII, вып. 11, с. 155). В близком значении отмечено прилагательное *непригожрый*: Я видел твой товар. А ты мои. Которой худой *непригожнои*, выкинём вон (А., л. 62), *непригожрый* — 'не удовлетворяющий требованиям': Яз тоба скажу правду твой товар *непригожен* (А., л. 73 об.). СлРЯХI–XVII толкует *непригожий* (без суффикса -н-) как 'негодный, непригодный (о людях)' (вып. 11, с. 250), а *пригожий* у Даля объяснено как 'пригодный, годный на что-либо' (Даль, т. 3, с. 408). С отрицанием используется и прилагательное *личный*: Твой товар не *лично*, мнѣ ёво не любо купить, немецкий перевод — *is nicht schone* (Ф.). Здесь прилагательное *личный* 'относящийся к наружному виду' используется в переносном значении 'красивый', ср.: СлРЯХI–XVII, вып. 11, с. 163.

В разговорниках находится гораздо меньше прилагательных, кроме *добрый*, которые подчеркивали бы хорошее качество, привлекательность товара: *свежий*: Мои товар *свежои* (А., л. 77 об.); *нарочитый* 'очень хороший': Не умѣет тово товару похулить, товар *нарочит*, тому товару охул (так!) нѣт (Ф., с. 423), ср.: СлРЯХI–XVII, вып. 10, с. 220; *строгий*: Мой товар *строг*, без зароку доброй (Ф., с. 279), в существующих исторических словарях такая сочетаемость слова *строгий* не отмечена, можно предположить, что это товар, 'соответствующий требованиям, за качеством которого постоянно присматривают', может быть также 'надежный, прочный' (ср. немецкий перевод: *is vr vordeel*).

Характеристика товара со стороны его цены выражена прилагательными *дорогой* и *дешевый*: У меня есть всякой товар *разгонный* — и *дорогой* и *дешёвый* по купчинѣ (Ф., с. 285). В этой цитате интересно и слово *разгонный*, которое толкуется как 'разлетающийся, разбегающийся в разные стороны', 'о товаре, который быстро раскупают' (Даль, т. 4, с. 22).

Качество и внешний вид товара могут быть оценены не только в прилагательном-определении, но и в сказуемом. Чаще всего это указания на то, что товар испачкан и намок: Дождь на дворѣ, товар *измокне* (Ф., с. 370); Твой товар *смочён / помочён* (Ф., с. 320); *Испокастил / изгрязнил / измочил* ты мой товар (Ф., с. 381), *испокастить* 'сделать грязным, испоганить', ср.: *кастский* 'грязный', *Терск.*, *кастливо* 'грязно', *Олон.*, *кастливый* 'неряшливый, нечистоплотный', *Арх.*, *касть* 'вонючая, смрадная грязь', *Арх.* (СРНГ, вып. 13, с. 117–118). Параллели из народных говоров подсказывают нам, что слово *испокастить* в отличие от стоящего рядом синонима *изгрязнить* было

более экспрессивным. Встречался на рынке и старый, залежавшийся товар: Твой товар *залежался*, немецкий перевод — *is olde vorlegen* (Ф., с. 285); Твой сукна *залежались* / *проволоклись* (Ф., с. 453).

Проделанный анализ лексики разговорников XVI–XVII вв. в сопоставлении с материалами различных словарей показывает читателю группу слов, называющих важнейшие товары, представленные на псковском рынке, с новой стороны. Эти слова использованы не только в словарных списках с пояснениями, но и в репликах разговоров, случавшихся на рынке или в домах, где обитали купцы. Мы, читатели, воспринимаем эту лексику как бы «изнутри», как если бы мы сами находились среди продавцов и покупателей и наблюдали бы их нужды и заботы. В этом неповторимое своеобразие текстов разговорников. В разной частоте употребления отдельных слов этой группы может просматриваться разная степень актуальности товара для покупателей, предпочтение одного товара другому. Среди рассмотренных слов много слов из повседневного обихода, некоторые из них пока неизвестны историческим или диалектным словарям. Живому восприятию описанной лексики не мешают отмеченные ошибки в произношении слов и погрешности в образовании грамматических форм и словосочетаний.

Дальнейшее исследование других лексических групп, представленных в разговорниках, несомненно обогатит новыми данными как историческую лексикологию, так и смежные науки.

Сокращения

- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–18. Л.; СПб., 1967–2006.
- СлРЯXI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.
- СлРЯXVIII — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–17. Л.–СПб., 1984–2008.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–3. СПб., 2004–2008.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М., 2003.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–2), Ф. П. Сороколетов (т. 22–40). Т. 1–40. Л.–СПб., 1965–2006.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1984.